

Амаяк Тер-Абрамянц

*Италия —
Россия —
Камчатка*

путевые очерки и дневники

Амаяк Тер-Абрамянц
Италия – Россия – Камчатка

«Издательские решения»

Тер-Абрамянц А.

Италия – Россия – Камчатка / А. Тер-Абрамянц —
«Издательские решения»,

Впечатления от путешествий по разным краям и странам. «Дорога — есть жизнь», — говорили древние латиняне... Через Италию на колёсах, по России на теплоходе от Москвы до Санкт-Петербурга, по Камчатке пешим ходом с рюкзаком за плечами...

Содержание

Италия с колёс	6
Итальянцы уважают пешеходов	6
Венеция солнцеликая	9
Понте Веккьо	14
Рим зеленоглазый	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

**Италия – Россия – Камчатка
путевые очерки и дневники
Амаяк Тер-Абрамянц**

© Амаяк Тер-Абрамянц, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Италия с колёс (очерки об Италии)

Итальянцы уважают пешеходов

Россиянина впервые оказавшегося в Италии поначалу неприятно поражает огромное количество мчащихся на полной скорости мотоциклистов, выглядящих порой в своих шлемах довольно агрессивно: гоняют и парни и девушки, а иногда и совсем желторотые, едва ли не двенадцатилетние юнцы! Прекрасные лаковые удлиненные и каплевидные машины, всевозможные альфы-ромео, феррари, фиаты-примы, фиаты-пунто и прочие, в основном местного производства, мчатся потоками на огромных скоростях, кажется не обращая никакого внимания на людей, отчего россиянин в первые часы пребывания в Италии чувствует себя еще более униженным, чем в на отчизне. Однако при дальнейшем знакомстве это впечатление оказывается глубоко ошибочным: стоит только ступить на зебру, как мотоциклист или водитель моментально перед вами затормозит или ловко вас объедет.

В Италии приходишь к мысли, что взаимоотношения водителя и пешехода – та лакмусовая бумажка, по которой можно судить об уровне агрессивности в обществе и, по большому счету, о его культурном уровне, о силе права или праве силы, ибо автосредство дает на дороге вполне конкретное физическое преимущество. Автомашина для россиянина всегда еще чуточку и броневик: поэтому наш пешеход, издав издав завидев мчащийся автомобиль, предпочитает чаще отступить, переждать, уступить силе летящей мимо кинетической энергии, водитель будет грозить кулаком нерасторопному пешеходу, по возможности, посылая ему громогласные маты, а похолодевший пешеход будет уходить, инстинктивно чувствуя незащищенность своего мяса перед железом, скушно огрызаясь. Мотоцикл же у россиянина вообще не может вызвать ничего кроме совершенно обоснованного отвращения и ужаса – это орудие убийства и самоубийства безголовых недолго живущих юнцов.

В Италии российскому пешеходу приходится несколько пересмотреть свои привычки, иначе, собравшись перейти улицу, он рискует стоять на месте до бесконечности. Ему трудно понять, что при этих высоких скоростях, обилии машин, мотоциклов и мопедов, знаменитом итальянском темпераменте здесь нет скрытой войны между пешеходом и водителем, и здесь пешехода уважают. К тому же тут чрезвычайно высокие требования к получению водительских прав, и итальянцы водят просто виртуозно. Они настолько сроднились с автомобилями, что говорят о себе: «итальянец рождается и умирает в машине». В это трудно поверить, но водитель здесь не использует массу возможностей уничтожить лишнего пешехода, стоит вам ступить на зебру как транспортное средство или остановится или каким-то образом объедет вас, если вы не будете слишком дергаться и паниковать. Итальянский темперамент, так же как и итальянские машины, имеет хорошие европейские тормоза, и наглость здесь не считается достоинством. Существует как бы негласная договоренность между пешеходом и водителем, по которой они всегда взаимно чуть-чуть уступают.

Рим. Площадь Венеции. Лавина машин и мотоциклов то гуще, то реже. Двое белобрых туристов (американцы или скандинавы?) долго стоят, не решаются переходить, а до ближайшего светофора далеко... Появляется юная итальянская парочка, не прекращая беседы Ромео и Джульетта идет вперед спокойно, без суеты, и все же не настолько вызывающе и бестолково,

чтобы вовсе игнорировать водителей: Ромео слегка отслеживает обстановку – машины и мотоциклы притормаживают перед ними и аккуратно объезжают... «Скандинавы» и я бежим вслед за парочкой.

Обилие мотоциклов и скуттеров в Италии объясняют не столько каким-то пристрастием, сколько частыми автомобильными пробками в часы пик, которые на них легче преодолеть. Но конечно, главным образом, это транспорт молодежный. Бесчисленные мопеды, мотороллеры (скутеры, как их здесь называют), мотоциклы, сверкая спицами, фарами, десятками, сотнями стоят, стреноженные цепью, у кафе, на набережных, на улицах, у вокзалов, дожидаясь своих хозяев. На мопедах гоняют уже двенадцати-тринадцатилетние юнцы, девушка на мотоцикле – совершенно обычная картина, а однажды я видел как куда-то гнала на мотоцикле мамаша с малыми детьми: один сидел перед ней, другой – позади...

Однажды в ожидании экскурсионного автобуса я даже провел собственное небольшое статистическое исследование. Я стоял у перехода через Via Aurelia на окраине Рима. Было около девяти утра, час пик, и транспортный поток мчал мимо меня к центру города. От нечего делать я принялся подсчитывать количество мужчин и женщин за баранкой автомобиля и парней и девушек на мотоциклах и скуттерах: получилось, примерно, что среди водителей автомашин половина женщины, а на каждом четвертом мотоцикле или скуттере – девушка. Итальянская девушка на мотоцикле это вообще что-то необыкновенное: стоит посмотреть, как она, тонкая, изящная, бесстрашно мчится с развевающимися волосами среди потоков машин, как свободно в нем лавирует, тормозит перед светофором, легко трогает с места, как она гордо и прямо сидит на мотоцикле, совершенно подчинив себе это одноглазое рогатое чудище... Она обращается с ним так же просто, как с собственной косметичкой – никакого пиетета перед техникой, никакого агрессивного акцента, никакой позы – целиком служебное средство придающее красоте скорость. Девушка на мотоцикле (Мадонна на мотоцикле, если хотите), как мне кажется вообще может символизировать современную Италию: красота, помноженная на скорость!

Итальянская молодежь вообще оставляет приятное впечатление. Судя по нежно-искусственным поцелуйчикам, которыми обмениваются время от времени юные парочки на улицах и в общественных местах, нравы здесь довольно свободные, и молодежь начинает сексуальную жизнь так же рано как садится на мотоциклы. Однако ей совершенно несвойственна вульгарность: молодые компании могут и чересчур веселиться, смеясь и крича, но без диких, грубых выкриков, в глазах здешних девушек нет надменно хамского выражения, хотя одеваются они со вкусом, но без ярких «сексапильных» нарядов (здесь это удел проституток), парочки целуются в общественных местах без всякой демонстрации, вызова, игры на публику – нежно и естественно.

В первый же день пребывания в Италии в курортном городке Римини я случайно подглядел сценку через витринное стекло книжного магазина, в который забрел гуляя. Высокий красивый рыжий парень в светлом костюме что-то взволнованно говорил сидящей на мотоцикле девушке, брюнетке с короткой стрижкой в белой кофточке. Она сделала попытку тронуться, но он положил свою руку на руль и, не отпуская, продолжал говорить что-то (без труда можно представить себе что!) также проникновенно и взволнованно. Она тряхнула головой, рассмеявшись, и неожиданно наклонясь поцеловала ему руку. Лишь тогда опешивший парень отпустил руль, и она двинув затянутой в брючину ножкой рычажок и описав изящный полукруг на своем одноглазом черте легко умчалась. Что бы сделала наша российская девушка в подобной ситуации? – скорее всего шутя ударила бы парня по руке, но никак не поцеловала бы, что

по ее мнению унизило бы ее перед мужчиной. И в этом эпизоде как в капле воды, мне показалось, выразилась гигантская разница менталитета российского и итальянского!

Порой мотоциклисты в шлемах, сквозь черное стекло которых не видно глаз, на сверхмощных хондах и прочих выглядят довольно агрессивно, но на самом деле все это оказывается не таким страшным, их агрессивность сродни агрессивности яркой тропической бабочки, раскрывающей свои крылышки со страшными глазами. Реальная агрессивность итальянцев гораздо ниже той, на которую претендует дизайн шлемов и мотоциклов. Здесь опять же элемент карнавала, маскарада, игры, которые для итальянца гораздо привлекательнее слепого разгула. Темперамент итальянцев направлен больше в сторону положительную – в веселье, шутку, игру...

Скучный итальянец – больной итальянец. Всего неделя поездки, а сколько раз я слышал смех на улицах, в магазинах, в холлах отелей и ни разу не слышал ругани и крика! – Шутка и улыбка для итальянца также естественны и необходимы, как дыхание. Путешествуя по древним итальянским городам, гуляя по музеям, обращаешь внимание на огромное количество детских экскурсий. Хорошо одетых чистеньких пухлощеких веселых бамбино сопровождают симпатичные хлопотливые донны. Как и дети во всем мире, маленькие итальянцы склонны побаловаться, залезть не туда куда надо, побегать, но ни разу я не видел, чтобы они тузили друг друга или хотя бы шутя замахивались – вот звонко посмеяться это другое дело! Видимо, итальянцы так навоевались в древности, что культ удара здесь совершенно непопулярен.

Итальянцам и вправду не раз ставили в упрек, что они плохие вояки. Наполеон их за это терпеть не мог, хотя сам был итальянцем: соберет десять тысяч войска, а наутро глядь – не больше тысячи осталось – остальные по домам разбежались! Упрекать их за это идиотизм: с какой стати им умирать ради славы Наполеона или Муссолини, ради ложной верности диктатору и его идеям, убивать совершенно незнакомых людей? – Итальянец уж лучше вернется домой и разберется с соседом, который крутит шашни с его женой!

Не забуду рассказ моей покойной тетушки, жившей на Украине в городе Луганске и попавшей во время Второй Мировой войны под немецкую оккупацию. Вместе с немецкими частями в город вошли румынские и итальянские. Отзывалась она о них по-разному. Немецкий офицер вломился к ней в дом ночью и потребовал курицу, а когда тетушка заявила, что курицы нет, вытащил из кобуры револьвер и тетушке ничего не оставалось, как кинуться в подвал и швырнуть ему злосчастную птицу. О румынах говорила лишь одним словом – воры. А вот об итальянцах рассказывала так, как об оккупантах не говорят, – «Хорошие ребята, веселые... Работаю я на огороде, залезли на забор, смеются, машут мне, кричат: Гитлер – капут, Сталин – капут, Муссолини – капут, война – капут!» Можно представить, как могли воевать эти бедные парни в такой непонятной, чужой и далекой от благословенной Италии Украине! Куда бы их не ставили, там был прорыв фронта и брешь приходилось затыкать крепкоголовыми бошами! – не хотели они ни за какие коврижки воевать, ибо чувствовали всю лживость абсурдность и неэстетичность массового убийства!

1999г.

Венеция солнцеликая

– Чао-чао! – звонко кричат и машут руками с моста Риальто итальянские ребятишки проходящим под ним катерам и гондолам. – Ду ю спик инглиш? – дразнят они бритого наголо гондольера. Тот грозит им пальцем, сразу, с готовностью итальянца включаясь в шутивную игру. – Итальяно? – веселятся дети. Гондольер отрицательно машет рукой. – Венециано? – не унимаются они. Гондольер крутит кистью – мол так себе... При этом он не забывает делать редкие, как бы случайные, гребки длинным желтым веслом и гондола с пассажирами легко скользит по молочно-зеленой воде Большого Канала и точно сворачивает в узкий стиснутый стенами каналчик. Смысл шутки для меня несколько изменился, когда, чуть позже, я узнал о существовании особого венецианского диалекта, отличающегося от классического итальянского языка настолько, что порой, даже требуется переводчик.

...А гондола все той же, без малейших изменений, конструкции, что и сотни лет назад – такая же изящная и легкая, – то как гондолы легки и чувствительны видно по тому, как они живо приплясывают, подсакакивают и раскачиваются на мелкой волне, когда стоят порожние у берега, привязанные к торчащим из воды мшистым сваям.

...Вот плывет следующая гондола, за ней еще... Удивительно, как это у них получается: гребут только с одной стороны, где единственная в виде крюка уключина, а гондола идет прямо, нисколько не отклоняясь – очевидно они как-то по особому поворачивают весло. Фокус достойный швыряния австралийцами бумеранга! – Говорят, года за четыре этому можно научиться.

Готовность к шутке, веселой импровизации, к общению – действительно национальная черта итальянцев. Заходишь в кафе: тебе улыбается девушка за стойкой, не дежурно, «по-американски», – больше глазами, кажется ей что-то в тебе понравилось или рассмешило, – ну как тут не помахать ей рукой и не сказать «Бонджорно!»? ... С тобой здороваются с улыбкой везде, куда бы ты ни зашел: в магазине, в отеле, в пиццерии, твои слова приветствия или прощания никогда не останутся без внимания, как бы тихо они ни были произнесены. Для итальянца эти самые простые слова всегда чуть больше чем формальность – приветствие и улыбка неразделимы, слиты в послание. При этом полное отсутствие какой-либо навязчивости: твое желание или нежелание общаться они угадывают каким-то непостижимым образом, по глазам что ли...

Итальянец постоянно импровизирует, изобретает шутку и тут же ее воплощает в жизнь. Кажется, отними у него эту способность играть, создавать из скуки жизни нечто карнавальное и она потеряет для него всякий смысл. Причем именно шутка, а не ирония – шутка добрая, не затрагивающая чье-либо достоинство.

Я понял это впервые в Венеции на площади Святого Марка. Два итальянца, лет за сорок, – лысый и с седой шевелюрой – кормят голубей, рассыпая жареную кукурузу. Их слетается великое множество, и какой-то голубь, не найдя места, вдруг садится на блестящую лысину, и седой тут же начинает сыпать на лысину друга кукурузу. Оба хохочут, как дети. Тот, которому сыпанули на голову кукурузы не делает даже шутивной попытки наказать друга: уж очень ему нравится шутка, а шутка превыше всего! А друг уже сыплет кукурузу на свою куртку, и голуби садятся ему на плечи и рукава: смеяться надо уметь и над собой!...

У памятника Казанове из черного мрамора, что прямо на набережной перед Дворцом Дожей, толпится народ. Знаменитый авантюрист с желчным лицом, в парике и камзоле по моде XVIII века галантно склонился к придворной даме, подавая ей руку, будто в приглашении на танец. Дама, однако, какая-то странная: заметно меньше Казановы – то ли ребенок, то ли куколка, будто намек на исключительно развлекательную роль женщин в жизни Казановы. Справа и слева от этой странной парочки два мощных львиных тулова с головами дев на длинных шеях, по шесть круглых грудей, одна пара над другой, выставленных вперед, как пушечные

батареи, меж передних лап человечьи черепа. Рядом с бездетным авантюристом фотографируются дети – бравый малыш залез на львиную спину, деловито обхватив верхние груди, и сразу в толпе итальянцев послышался одобрительный смех и защелкали фотоаппараты. Но то был смех добродушный, полнокровный – не гогот похабника, не хихиканье пошляка: вульгарность совершенно не свойственна итальянцам.

Молодая женщина взбегает по ступенькам и становится рядом с Казановой, пока ее спутник наводит на нее снизу фотоаппарат. Женщина неожиданно закрывает собой даму-куколку и, лукаво смеясь, вкладывает свою руку в ладонь Казановой: получается, что Казанова приглашает ее, однако от этого женского смеха становится страшновато: опасно играть с Казановой, а вдруг оживет?! – Мужчина внизу фотографирует с лицом человека исполняющего мало приятное одолжение – ревность коснулась его!

Настроение легкости, веселья, праздника владеет в Венеции всеми: ни в одном городе я не видел столько улыбок и сияющих радостью глаз! Я иду по узким чистым улочкам среди сувенирных магазинчиков, перехожу по мосткам-аркам каналы с плещущейся зеленоватой водой плененной желтыми, светло-коричневыми и розовыми стенами домов – в основном они превращены сейчас в отели. Некоторые створки окон распахнуты, открывая загадочную черноту комнат. Под окнами – висячие над водой цветы: желтые, оранжевые, алые... По воде неспешно скользят гондолы с разноплеменными туристами – европейцами, японцами, индусами... нет, пожалуй, лишь негров – они продают всякие безделушки на набережных и в переулках.

И навсегда запомнилась маленькая пятилетняя девочка, чистый херувимчик, стоящая на одном из залитых солнцем перекрестков – белокожая, светлокожая, со светлыми кудряшками и блестящими на солнце слезинками на пухлых щечках, требующая что-то детское от своей мамы на по-взрослому чистом звонко-переливчатом итальянском языке, эдакий обиженный соловей, и мама ей что-то в тон отвечала. Это было так прекрасно, так мелодично в своих переливах и контрапунктах, что лица всех спешащих мимо туристов-северян с рюкзаками расплывались в неудержимых улыбках. Есть вообще что-то невероятное и даже ненормальное, что на таком красивом изысканном барочном языке можно говорить о самых обыденных вещах жизни, что на нем вправе изъясняться и поэт, и чиновник, и бандит...

Тот майский день был жарким даже для итальянцев. Я шел по площади Святого Марка, среди этой архитектурной роскоши и избыточности, которая, однако, нисколько не утомляла, среди узорчя стен, лепнины, колонн, скульптур, тяжело извивающихся на свежем ветру гигантских хвостатых знамен на флагштоках среди площади, когда с высоченной, похожей на уходящий в небеса заточенный карандаш колокольни, красно-кирпичная голая стена которой кажется здесь, среди этой роскоши неожиданно суровой, ударил колокол, еще и еще... в замкнутом пространстве площади отражаемые стенами и сливающиеся звуки приобрели дополнительную силу и протяженность: они были мощные, тугие, долгие, рычащие подобно басовым нотам органа...

Я был там, наверху, когда эти колокола уже молчали. Вместе с другими туристами обозревал город с высоты птичьего полета. – Совсем небольшое пространство, сплошь покрытое красными квадратиками черепичных крыш, за которым зеленоватая полоса моря... Боже мой! И этот маленький островок владел морями, городами, странами, воевал с империями! Ведь даже у нас, в далеком отсюда русском Крыму, в Судаке, есть крепость, которая почему-то называется генуэзской, а на самом деле – венецианская!

Наш экскурсовод, Ната, пожилая подтянутая итальянка с юмором рассказывает нам о дожах живших во дворце, одновременно служившем и тюрьмой, о венецианских графах, занимающихся сейчас на материке виноделием, чтобы получать средства на ремонт своих великолепных дворцов и сдающих эти дворцы под разные «мероприятия» (она произнесла именно это советское слово!) – свадьбы, банкеты и т. д. И, конечно, о гондольерах. Гондольером может стать по здешним законам только коренной венецианец (а их осталось пятьдесят тысяч) после

строгого отбора, включающего в себя особые психотесты. Одна американка возжелала стать первой женщиной гондольером, упорно готовилась к этому не один год, прекрасно освоила управление гондолой, но ее все-таки завалили. Четыреста мостов в Венеции и четыреста гондольеров – ни больше, ни меньше. У них даже есть собственный профсоюз. Новым кандидатам приходится ждать пока освободится место. В основном это люди молодые, лет под тридцать, но встречаются и сорока и пятидесятилетние... По ходу экскурсии Ната свободно обращается к служащим Соборов Святого Марка и Паоло э Джовани – видимо, какая-то чисто деловая информация, но буквально со второй-третьей фразы всегда возникают взаимные улыбки, вызванные какой-то шуткой, намечается легкое кружево веселья и мы идем дальше.

Проходя через один из мостиков над каналом, где-то близ Паоло э Джовани слышим крик пробующего свой голос гондольера – не песня – так, ничего определенного. Вот он выплывает. Наша Ната говорит ему сверху что-то безобидно веселое по поводу его не слишком удачного звукоизвержения, он тут же отвечает. Несколько слов-нот легкой импровизации... «Руссо туризмо...» – говорит Ната. «О-о! Оч-чи черные!...» – громко отвечает гондольер, опуская желтое весло в молочно-зеленоватую воду. – «Оч-чи черные!» – звучно и нараспев тянет он, вызывая в нашей группе оживление и смех. И Ната, и гондольер, и невольны мы – становимся соавторами и участниками сегодняшнего карнавального веселья. Его законченного эпизода, картинкой в общем потоке.

На набережной Скьявони магазин-выставка стеклянных изделий. Можно долго ходить среди этих полок и любоваться бесконечным разнообразием того, что мог создать человек из этого простого служебного материала: необыкновенной красоты и всевозможных переливающихся расцветок посуда, вазы, цветы, бутылки со стеклянными корабликами внутри, всевозможные художественные поделки и фантазии... а вот целый сиренево-голубой куст с соловьями на ветвях!

В глубине магазинчика вход в стеклодувную мастерскую. Здесь можно наблюдать весь процесс производства стекла. Пылает небольшая кирпичная печь. Стеклодув с длинной металлической трубкой, на конце которой искрится оранжевый вязкий конгломерат стекла. Стеклодув делает резкий короткий шипящий выдох сквозь сжатые губы, чтобы в легкие не попал обжигающий горячий воздух, на конце стальной палки вздувается оранжевый как предзакатное солнце шар, на глазах меркнувший, переливающийся цветами радуги, за это время стеклодув крутит, вытягивает щипцами стеклянный пузырь, придавая ему форму вазы, обкусывает вязкое стекло черными железными ножницами. Шар уже почти остыл, приобретая хрустальную ясность и прозрачность. В это время мастер прикладывает обкусанные кусочки стекла, еще тлеющие желто-коричневым жаром, к бокам вазы, вытягивает их, образуя ручки и заканчивает работу точно, когда в стекле гаснет последний отблеск и оно становится холодно льдистым. Вот и ваза готова!

Желающим предлагается надуть пузырь. Пузыри получаются какие-то перекошенные, лопаются, и едва остывшие уродцы бьются и отправляются в мусор.

Перед нашим уходом стеклодув показывает как сделать из цельного куса лошадку. Ловко вытягивает щипцами ноги, голову, обкусывает, кладет гриву... И стекло также фантастически меняет цвет от оранжево-искристого к тлеющему коричнево-желтому и, когда работа закончена, кусок становится прозрачно блестящим коньком.

...Мы плывем на катере по Большому Каналу Риальто... Колонны, купола, кружево окон, цветы над молочно-зеленоватыми плещущимися водами... Боже, сколько здесь красоты! – никакой фото пленки не хватит! – лучше спрятать камеру и просто смотреть... Как странно, на одной земле существует такая красота и какие-то «строительство коммунизма», «перестройка»... Все происходящее с тобой кажется сном, но также сном отсюда кажется и Россия

с ее посткоммунистическим хаосом и нелюбовью к сиюминутной жизни, – странное состояние параллельного существования в двух снах!... И что еще удивительно – вся эта красота рукотворная! Каждый камень заложен чьей-то рукой, в каждом узорчатом карнизе и наличнике человеческое желание красоты, радости, праздника счастья, за которым забывается первородный грех Венеции – грех обмана, корысти, стяжательства, пиратства. А исторические грехи Венеции велики: одно разрушение православного Константинополя чего стоит!...

Вода в лагуне Венеции, во всех ее каналах и канальчиках зеленовато-белая, будто в ней растворили толченый мел. Мелкие волны жонглируют пустыми гондолами у причала, накапывают на ступеньки набережной Скъявони (Славаянской!), шевеля сине-рыже-бурую полосу листы водорослей, вдоль которой, ниже, лишь белая непроницаемая муть, а выше, на этих белых старых ступенях, зеленый морской мох, с каждым взмахом волны то и дело меняющий среду обитания.

Жарко. Вся набережная Скъявони заполнена лавочками, лотками, торгующими сувенирами, прохладительными напитками, пивом, бело-коричневыми дольками кокосовых орехов, омываемых крошечными фонтанчиками... Солнце стоит высоко и даже от громадной позеленевшей статуи Виктора-Эммануила, первого короля объединенной Италии, тень крошечная, лишь под самым постаментом. Вид у короля архивоинственный: шлем, доспехи, лицо мужественное, саблей замахнулся... и жара ему нипочем!

Со стороны Санта Мария делла Салюте и еврейского острова Джудейка осторожно выдвигается чудовищно громадный, размером с дворец Дожей белый лайнер с кувшинным носом, по дизайну уже мало напоминающий корабль, а что-то кухонно-комфортабельное: гигантский лежащий на боку холодильник. Насчитал двенадцать полос иллюминаторов и окон – двенадцать этажей! «COSTA VICTORIA» – начертано на борту. Судостроение здесь, в Венеции, на высшем уровне со средних веков. И сейчас на здешних верфях в Мэстрэ строят самые высококомфортабельные и самые большие в мире круизные суда, вот как этот, движущийся по проливу, что между островами ограничивающими Лагуну. С верхней палубы машут крохотные человечки... Итальянцы... Странные люди! Куда вы плывете и зачем? Чтобы убедиться, что нигде больше в мире нет места прекраснее вашей Венеции?..

Пока суперлайнер медленно проходит, мы погружаемся на катер. Незаметно для окружающих бросаю в светло-зеленую воду металлический российский рубль. За спиной остается набережная Сан-Марко, справа проплывает островок Сан Джорджо Маджоре с куполом и четырехгранной, заточенной у вершины карандашом колокольной. Мы долго следуем за осторожно движущейся по фарватеру необъятной «COSTA VICTORI...» – ей. В лагуне белеют косые паруса яхт, иногда встречаются двухмачтовые парусные шхуны, очевидно рыболовецкие, со светло-коричневыми парусами – треугольным на передней мачте и прямоугольным на задней – они выглядят живописно и романтично, совсем такие же как на картинах Поленова, выполненных век назад... Рыболовство здесь процветает, в мутной воде лагуны, к примеру, хорошо плодятся креветки, а итальянцы большие мастера и гурманы устраивать всякие экзотические блюда из морепродуктов.

...Гондола... шхуна... лайнер... – вот оно, свойство этой цивилизации: ничего не отвергать, не забывать, а только вбирать и вбирать в себя, будь то культура весла, паруса или компьютера!

Венеция удаляется, а мне до сих пор не верится, что я был в ней. Мекка писателей и поэтов... Кто только о ней не писал, кого только здесь не было! – У Пушкина, который гулял тут лишь в мечтах, целая строфа в «Евгении Онегине» о Венеции, Тютчев, Блок, Бунин писали стихи об этом городе, Хэмингуэй здесь сочинял свои, по выражению Шаламова, «туристские» романы, Берберова обожала этот город...

И странно, книжная Венеция до сих пор реальнее во мне той, что я видел сегодня, а виденная сегодня кажется слишком прекрасной, слишком фантастической и зыбкой. И чуть-чуть грустно, что не так молод и не было рядом друга, близкого человека, с которым мог бы разделить эту радость красоты, но эта грусть светлая...

Лидо ди Езоло, Москва. 1998 г.

Понте Веккьо

Понте Веккьо, Старый Мост, – когда я думаю о Флоренции, я вспоминаю, прежде всего, о нем. Широкие редкие арки его перекрытий и более узкие частые арки пешеходной галереи, – будто аккорд над зелеными с матовым блеском водами Арно. Река Арно заметно уже Москвы реки, но достаточно полноводная и своенравная: в 60-ых годах она вышла из берегов и затопила город. В соборе Санта-Кроче, где покоится прах Микеланджело, видны светлые линии на колоннах отмечающие верхний уровень затопления собора – не менее двух метров от пола... Тогда пострадали многие драгоценные полотна. Представляю себе сюрреалистическую картину: среди леса колонн в этом соборе плавают лодки с людьми спасающими, что еще можно спасти...

Подхожу к мосту и еще с набережной, издалека, замечаю посреди реки, под аркой моста, какое-то непонятное движение: по гладкой поверхности воды снуют какие-то точки. Что это? ... Майское солнце светит жарко, мост заполнен туристами, какие-то девицы, сняв рюкзаки, растянулись, отдыхая, прямо на его теплых чистых камнях. Дохожу до бюста Челлини. Швелюра мастера несколько всклокоченна, будто от бесчисленного множества идей и способностей, правый глаз испачкан бельмом голубинового помета. Заглядываю за каменные перила моста и не верю глазам. На рубеже света и тени от моста, у самой поверхности воды, деловито шевелится огромная рыба стая. Да какие тут великаны! – до полуметра и более длинной, по сравнению с которыми все остальное, считавшееся бы вполне достойным у подмосковного рыболова, кажется просто мелочью! До сих пор не могу понять какая это порода таких крупных стайных рыб, если только не лососевые, – но о лососях в Италии я не слышал! Вода бело-зеленоватая, будто в ней растворили мел, такая мутная, что ничего не увидишь глубже чем на ладонь (странно, почти такая же, как в Венецианской лагуне!), но они плавают у самой поверхности то и дело, беспокоя ее коричневыми толстыми спинами и плавниками. И это почти в центре большого современного европейского города!.. У подходящих к перилам туристов глаза удивленно округляются, они машут руками, подзывая своих спутников, показывая на воду. Кто-то щелкает фотоаппаратом, пытаюсь запечатлеть это экологическое чудо. В воду летит вафельный стаканчик с недоеденным мороженым. «Лососи» (или речные лоси?) сразу же принялись деловито тыкаться в него рыльцами, отхватывая кусочки, и из стаканчика потянулись белые молочные волокна. Тонкая, как игла, спортивная байдарка вышла из-под моста и скользнула чуть в стороне, не потревожив стаю. Спортсмен в красной футболке равномерно и четко работал веслами.

За два дня я прошел Флоренцию накрест: от вокзала и Санта-Мария Новелла до Санта-Кроче и от дворца Питти до Галереи Академии. В центре креста собор Санта-Мария дель Фиоре (флорентийцы чаще называют его необычно просто – Собор, Дуомо) с ажурной колокольной и площадью перед ним.

В первый день во Флоренции я стоял в тени этой знаменитой колокольни, детища Джотто, Пизано, Фиорованти и Таленти (солнце было жарким) в ожидании гида с тем странным ощущением происходящего, которое не покидало все время пребывания в Италии. Бывший невыездным всю жизнь я слишком привык к мысли, что никогда не попаду за границу и убеждение это, кажется, успело закрепиться на молекулярном, генетическом уровне и оттого никак до конца не верилось, что происходящее – реальность. «Неужели я в Италии? – и вот эта тень, которой я так утилитарно воспользовался, итальянская, да еще от колокольни Джотто?! И люди вокруг меня итальянцы!»

«Да, это так, – отвечал я сам себе, – я в Италии, во Флоренции, и эта тень – итальянская, от настоящей колокольни Джотто, и люди вокруг меня итальянцы, и камни итальянские, и полосатые тенты над витринами кафе и магазинчиков, и Собор, и площадь с пижонами кара-

бинерами, несмотря на жару щеголяющими в белых перчатках в застегнутых на все пуговицы кителях, затянутыми галстуками и в кривых, лодочкой, фуражках. И здесь я смогу свободно ходить и гулять целых два дня...»

Вот он Собор, Дуомо, с огромным черепичным куполом: честолюбивые флорентийцы возжелали построить самый большой в мире храм. Все население Флоренции могло занять лишь его небольшую часть. Но римский папа не мог такого допустить и выстроил в Риме еще более грандиозный собор Святого Петра, оставив флорентийцев позади.

Внутри Собор выглядит еще более громадным, но каким-то пустынным, недостроенным: гигантский лес колонн – росписями покрыт лишь невероятно высокий купол и, чтобы их разглядеть, приходится высоко задира́ть голову и напрягать глаза. Здесь единственный раз за время путешествия по Италии увидел я в храме свечи зажженные прихожанами, и не зря они здесь горят – место знаменательное, именно в этом Соборе и была подписана знаменитая Уния, доставившая впоследствии православному миру столько беспокойства, расколовшая надвое Украину...

На другой день мой путь с утра в галерею Питти.

Пытаешься запоминать имена художников и названия картин, сосредоточив свое внимание, однако, на поисках полотен Рафаэля Санти, но через полтора часа путешествия по залам все эти мускульные тела, лица, одежды смешиваются в голове в какой-то вихрь, в ногах появляется знакомая по Эрмитажу и Третьяковке музейная тяжесть и, чтобы прийти в себя, спешишь в сады Боболи, террасами поднимающиеся вверх от дворца Питти.

Поднимаясь по горе, время от времени останавливаюсь: отсюда открывалась панорама старой Флоренции с красным черепичным куполом Собора посреди. Я ожидал увидеть что-то вроде Летнего сада в Питере, только гораздо большего по площади, где на каждом повороте будут встречаться скульптуры античных героев и цезарей, но не встречал их, – аккуратно подстриженные кустарники и трава, деревья... Слегка разочарованный, в маленьком кафе наверху купил банку холодной аквы минерале и отдыхал, сидя на каменном бордюре, возмещая потерянную с потом за время подъема жидкость, а недалеко, медленно надвигаясь, жужжал газнокосилкой, от которой летели крошки травы, негр в ослепительно белом спецкомбинезоне и со стеклянным щитком на глазах, делавшем его похожим на одного из американских космонавтов посетивших Луну. Нащупываю землю под травой, взяв в руки рассыпчатые коричневые сухие комочки, – это Италия! – такие же коричневые поля я видел из окна автобуса, – не слишком такая уж плодородная, наверно, почва против наших жирных черноземов, российских, украинских, башкирских... Я чуть было не возгордился, но вовремя опомнился, подумав, что мы не в состоянии даже прокормить себя.

Вниз, по центру парка, к дворцу нисходит каскад прудов с фонтанами и скульптурами. Следуя примеру других туристов выбрал дерево недалеко от пруда и сел в его тени на газон, привалившись спиной к стволу. Однако через минуту почувствовал – по ноге что-то ползет. Вскочив, принялся стряхивать с себя огромных, блестящих и жирных, итальянских муравьев, – настоящие голиафы против наших российских...

Стало ясно, что я рискую завязнуть, потеряться среди бесчисленного множества полотен старых мастеров, среди этих библейских сюжетов, рук, ног, голов, складок одежд, тонов, теней, красок, – все это превратится в моей голове в гигантскую цветовую кашу, в которой совершенно утонет сама Флоренция как город. Попытаться даже бегло осмотреть за два дня все здешние культурные ценности, которых, как сказал гид, Флоренция содержит 40% от всех мировых (!), было бы чистейшим безумием, и я твердо решил не занимать очередь в знаменитую Уффици, а вместо этого ближе ознакомиться с городом и другими достопримечательностями, не требующими столь большого количества времени.

В полдень на улицах древней Флоренции многолюдно, но это, главным образом, туристы – итальянцы предпочитают пересидживать самую жару по домам. Туристам же дорога каж-

дая минута: обливаясь потом, они стремятся каждый к своей цели: быстро целеустремленно шагают парни и девушки с легкими рюкзаками за спиной, озираясь плетутся увешанные фотоаппаратурой пожилые иностранцы со своими худощавыми седовласыми подругами... Впрочем, даже в самый жаркий полдень, узкие и чистые средневековые улочки Флоренции почти всегда в спасительной тени, да к тому же можно зайти в какой-нибудь храм, где прохладно, почти холодно. Идешь по такой чистой, как пол в номере отеля, тихой средневековой улочке в теплой тени и вдруг понимаешь, что это и есть цивилизация и культура – когда улица кажется, тебе продолжением собственной квартиры или отеля – так чувствуешь себя здесь комфортно и безопасно. Гаснет какая-то красная лампочка тревоги в сознании, которая в Москве каждый раз автоматически включается, когда выходишь за порог квартиры (знал бы, как потом будет нелегко снова привыкнуть ее включать!). Все эти разговоры об итальянском воровстве, итальянской мафии кажутся здесь, во всяком случае, на севере Италии, в большой степени мифами: если и воруют, то уж не больше чем у нас, а общая атмосфера настолько благожелательная, неагрессивная, что понимаешь, – мафия, если она даже где-то и есть, никак напрямую обычного человека не касается. Вообще все, что я знаю об Италии и итальянцах плохого – это всегда лишь с чужих слов (какой-то итальянец соблазнил русскую девушку, привез сюда и бросил, а она сошла с ума, у какого-то туриста из предыдущего заезда украли сумку в кафе, когда он отошел посмотреть меню...) – лично я не был здесь свидетелем ничего безобразного. Объективность, приученная к тому что наряду с положительными сторонами всегда есть отрицательные, настойчиво советует мне найти что-нибудь негативное в моем образе Италии, подвергает мои впечатления настойчивому исследованию с целью отыскать что-нибудь темное, грязное, но как ни стараюсь я ей, объективности, в угоду, не могу обнаружить ничего кроме нескольких сплюснутых окурков на брусчатке площади Санта Кроче, почти меня обрадовавших – первый мусор, который я увидел на третий день путешествия после Римини и Венеции! Возможно, восьми дней, которые я пробыл в Италии слишком мало, чтобы разглядеть негативное, неизбежно где-то прячущееся, – в таком случае, слава Богу, что я не остался в этой стране дольше!

...И вот знаменитая площадь Синьории с конной статуей Козимо Медичи, Нептуном и, конечно, Давидом Микеланджело (копией) у самых дверей в Синьорию. На этой небольшой квадратной площади чувствуешь себя погруженным в вещество истории...

Я отдыхал в прохладном зале Синьории, впечатленный его гигантскими размерами, золотом и гигантскими фресками на правой и левой стенах, изображающими битвы флорентийцев с врагами, а какой-то служащий музея, итальянец лет пятидесяти в костюме с зеленой рубашкой, с волнистой убеленной сединой шевелюрой рассказывал что-то веселое, стоя перед сидящей за столиком пожилой билетерше. При этом было явно заметно, что ему доставляет неосознанное, почти физическое удовольствие, как соловью пенье, само звучание выразительной с барочными виньетками итальянской речи.

Настоящего Давида Микеланджело, я увидел в Галерее Академии. Он стоял посреди зала, освещенный со всех сторон, белый и свежий, будто его вырубили только вчера, а напротив, прямо на полу, расположилась стайка юных белокурых художниц – гости какой-то северной страны, – старательно исполняющие карандашные наброски его головы и фигуры...

Эстетизм присущ итальянскому характеру. Здесь чувство прекрасного не убито даже в самом последнем бомже! И доказательство этому я впервые увидел во Флоренции. – Вообще-то Италия страна благополучная и социально обеспеченная: если мужчина за всю жизнь проработал хоть день, то с 60-ти лет он уходит на пенсию, которой хватает не только на то, чтобы достойно жить, но и даже путешествовать за границу (туристические фирмы Италии продают путевки пенсионерам со значительной скидкой – всего за 10% от их стоимости!). И, тем не менее, как это ни парадоксально, бомжи здесь есть, хотя их несравненно меньше чем в Москве.

Одного такого я и увидел во Флоренции, возвращаясь к вокзалу по улице Рома: седобородый старик с палочкой, в драном костюме, босой (камни в мае во Флоренции теплые), с грязными в черных трещинках ступнями, в ветхой соломенной шляпе, – а в шляпе с претензией на элегантность торчит воронье перо! – Да и палка у старика, если присмотреться, какая-то особенная, суковатая, как-то оригинально и хитро изогнутая! Да и седая борода, если отвлечься от грязи – борода пророка! А как он горделиво выпрямился, когда проходил мимо рабочих возившихся на проезжей части у открытого канализационного люка, как он величаво заговорил с ними и вдруг, стал ловко крутить и размахивать палкой, показывая изящные фехтовальные выпады! – а рабочие, глядя на него, добродушно смеялись...

Для кого Флоренция славна прежде своими сокровищами живописи, а для меня не менее славна этим бомжом! Его воронье перо в шляпе сказало мне об Италии не меньше, чем все сокровища ее культуры: чувство прекрасного в настоящем итальянцае умирает последним!

1999 г.

Рим зеленоглазый

Древние камни – сердце исторического Рима. Но они вовсе не определяют его облик – их слишком мало и, кроме Пантеона, в Риме нет ни одного полностью сохранившегося античного здания. Развалины, античные фрагменты в виде колонн, триумфальных арок, столпов выглядят лишь вкраплениями в основной массив, принадлежащий векам 18-ому и 19-ому или, по меньшей мере, Эпохе Возрождения. Рим вообще не имеет единого облика как, скажем, Петербург и с этой позиции Петербург безусловно выигрывает. Рим постоянно дробится на отдельные фрагменты и ракурсы, впрочем довольно живописные каждый в отдельности. Здесь впритык могут соседствовать барочная церковь, остатки античных колоннад и доходный дом 19 века, то здесь, то там – зонтичные пинии, черные кипарисы, встречается и пальма с пышным султаном на высоком и мощном стволе – под блекло-голубым жарким небом зелень её листы кажется серой... И все-таки в Риме ощущаешь, что он на тебя немного давит: в нем маловато открытых перспектив, маловато зелени, слишком много узких хаотических переулков, а на трассах множество стремительных машин и мотоциклов, он немного подавляет гигантскими размерами собора Святого Петра и замка Святого Ангела, что над белозеленым мощным и опасно быстрым Тибром... Но там есть итальянцы с их доброжелательными улыбками, шутками, смехом, изящной и выразительной итальянской речью, которые скрашивают и оживляют эту тяжесть большого города, его каменный склероз. Нигде я не видел, кстати, столько зеленоглазых людей как в Риме, и в этом колдовском зеленоглазье мне чудится греховное наследие древней языческой истории этого города основанного на братоубийстве и насилии.

Развалины Колизея как бы представляют известное всему миру лицо Рима, его бесконечно растиражированный символ. Но Колизей вовсе не его древняя душа и никогда ею не был, несмотря на всю свою древность: скорее это древняя похоть Рима, масштаб его низменных страстей... Как ни странно, стены его вовсе не коричневые и не красные как почти на всех фото в альбомах и путеводителях, а белые с налетом какой-то глубоко въевшейся сажи, копоти.

Душа античного Рима находится несколько далее – на Капитолийском холме: здесь, где сейчас музей раскопок под открытым небом, где обломки, редколесье колонн (остатки храмов Весты и Сатурна), каменный ящик дворца Сената – то ничтожно малое, что осталось от древнего его центра, где творилась религиозная и политическая жизнь, где звучали предсказания авгуров, речи Цицерона и других великих... Как стары эти камни! Они уже несколько непохожи на те, чем были: колонны серые, растрескавшиеся, когда-то гладкая поверхность шероховата, щербата... Увы, за две-три тысячи лет стареет даже камень: в камнях Колизея видны мельчайшие, уходящие вглубь щели и поры, рельефы на белых колоннах Траяна и Марка Аврелия сильно сглажены, полустерты... Сам камень кажется подвержен склерозу уже с трудом и путано вспоминая то, чем он когда-то был, живую руку каменотеса. Воистину лишь человеческая мысль не знает старости!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.